

ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

С.И.ВАСИЛЬЦОВ, С.П.ОБУХОВ

РУССКИЙ ВОПРОС РОССИИ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И САМОСОЗНАНИЕ НАЦИИ

Москва

2006

ББК63.3(264)

В18

Редакционно-издательский совет ЦИПКР:

С.И. Васильцов, К.Ф. Колесникова, Б.О. Комоцкий, С.П. Обухов,
В.П. Пешков, Г.Н. Пирогов

В18 С.И. Васильцов, С.П. Обухов. Русский вопрос России: Политические партии и самосознание нации. - М: Изд-во ЦИПКР "Русский летописец", 2006. - 44 с.

ISBN 5-93360-018-0

Книга посвящена русскому вопросу России – проблеме, стоящей перед нашим обществом уже не одно столетие (а никак не последний век). Кто мы, откуда, куда идем и к чему стремимся – вот вроде бы простые вопросы, на которые русский народ и выражающие его интересы силы должны дать ответ. Однако время проходит, а ответов этих, способных сплотить нацию, дав ей действенные представления о себе и своем призвании в этом мире, – нет. И все же: что думают о себе и окружающем их мире русские; потеряли они под гнетом исторических катастроф себя или же нет? Какая из политических сил окажется способна выразить их интересы и повести за собой? Некоторые из этих вопросов ставятся в предлагаемой читателям книге.

Исследование адресовано ученым-обществоведам, политикам, преподавателям – всем, кто интересуется русским вопросом и будущим российской общественно-политической системы.

ISBN 5-93360-018-0

ББК63.3(264)

В18

На первой странице обложки изображена старинная русская иконка-оберег с образом Георгия Победоносца

© С.И. Васильцов, С.П. Обухов, 2006

© ЦИПКР, 2006

© Ю.П. Ляшук, оформление, 2006

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. РУССКОЕ САМОСОЗНАНИЕ	5
Откуда мы?	5
Кто мы?	9
Куда идем и чего хотим?	11
ГЛАВА II. XX СЪЕЗД КПСС И РУССКИЙ ВОПРОС В РОССИИ	14
Русский консервативный проект Сталина	14
Антирусский проект Хрущева	17
Русский проект Сталина как пробный камень в политике	18
Крах мифов XX съезда	20
ГЛАВА III. С ЭПОХОЙ – НЕ В ЛАДУ..	22
XX съезд: в схватке образов победил Сталин	22
Здравицы из иномирья	23
Социал-демократическая «сказка про белого бычка»	25
Консервативный проект Кремля – прощай?	26
«Антифашизм» коричневатого оттенка	28
ГЛАВА IV. РУССКИЙ ВОПРОС И КОММУНИСТЫ РОССИИ	32
Тяжелое наследство коммунистов	33
День нынешний и день вчерашний	36
Наследство Бухарина и Троцкого сегодня	37
Имперская доминанта России	38
Коммунисты и русское самосознание	39
Впереди битва — за русский плацдарм	40
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	43

Введение

Можно сказать, что русский вопрос сегодня – самоочевидная неочевидность. Несомненно, он существует, напоминая о себе практически во всех сферах жизни. Однако не менее ясно и другое: в обществе нет четкого понимания того, в чем он состоит и каковы пути его решения. Современные подходы к русскому вопросу явственно грешат односторонностью.

Хронологической: и аналитическая, и публицистическая мысль не спускается здесь, как правило, дальше предреволюционной и революционной поры начала XX века.

Политической: проблема зацикливается на троцкизме в его былых и нынешних проявлениях, а также на сталинской борьбе с ним.

Предметной: объектами анализа и даже простого упоминания стабильно остаются явления типа современного геноцида русской нации, дискриминации русских в экономике, социальной области, делах политики и государственного управления.

Психологической: настрой подобных работ носит чаще всего «жалостливый», так сказать, характер, сводя все к сетованиям по поводу выпавшей русскому народу жестокой судьбы.

Нет спору, все это – броские и значимые аспекты русского вопроса. Однако только лишь аспекты. Проблема же, коли брать ее системно, несравненно глубже в плане историческом и многограннее по структуре.

Не случайно «цвет» демо-либеральной интеллигенции, перед которым еще Б.Ельцин ставил задачу быстренько создать «национальную идею» для России, после долгих трудов выпустил в конце 90-х в свет читатник из материалов СМИ. Оставляя, надо понимать, на долю самих читателей задачу разобраться в проблеме и сделать нужные выводы. И – никаких «национальных идей».

Глава I

РУССКОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Обращение к русскому вопросу означает анализ всей истории русских с древнейших времен и по сию пору. Оно требует **ответа на три ключевых вопроса: откуда мы, кто мы, чего хотим и к чему стремимся?**

Внести такие представления в самосознание народа - именно внести, поскольку идеология в сознание масс вносится - и есть сегодня главная задача любой партии, ставящей перед собою задачу национально-го освобождения России.

Откуда мы?

Первое дело здесь определиться – кто есть кто.

Начнем с того, что взгляд русского на ключевой вопрос: что определяет национальность человека, отнюдь не сводится им ни к «проблемам крови» (5% сторонников), ни к формальной записи в документах (6), ни к таким внешним признакам, как склад лица, цвет глаз и волос (2), ни даже к происхождению - наличию трех или четырех поколений предков данной национальности (15% требований), ни к прочим аналогичным вещам.

Русским для большинства русских является тот (36 % мнений), кто «полностью погружен в культуру, историю и традиции этого народа, кто уважает и любит его», кто сам бескорыстно считает себя частью русского народа (23), и кого русские признают (10% мнений) своим.

Причем подобный взгляд на русскость, вскрытый социологическими опросами, является устойчивым и традиционным, насчитывает столетия (в статье использованы материалы социологического мониторинга, который ведет Центр исследований политической культуры России вот уже более семнадцати лет, с 1988 года).

И тем не менее, общим местом сегодняшней официальной пропаганды сделалось утверждение, будто русских как исторического явления вроде бы и нет, а все прошлое России – извечно непредсказуемо. С телеэкранов и страниц СМИ о русских и всем русском изливаются басни и сказки самого низкого пошиба. Но почему? Каким образом в массовое сознание так легко вбрасываются самые невероятные «открытия», призванные до дыр «стирать белые пятна истории»? Во многом это предопределено низким уровнем исторического сознания самих русских.

Проблема Аркаима. Казалось бы, научная сенсация последних лет – открытие на территории Челябинской области города индоевропейцев III – II тысячелетий до новой эры – «русской Трои». Его условное название – Аркаим. Это и город-крепость, и город-мастерская литейщиков, производивших бронзу, это и город-храм, и обсерватория, где, вероятно, проводились сложные для того времени астрономические наблюдения. Казалось бы, этим доказано, что именно Россия была первоосновой современной европейской культуры. Казалось бы, русские, как потомки найденной цивилизации, встали в один ряд с древними египтянами и вавилонянами. И что же? Кто об этом знает? Какие выводы сделали государственная пропаганда и система образования в условиях мировой конкуренции за цивилизационное первородство? Как используют это партии, в том числе коммунисты?

Никто и никак.

А ведь в конце 80-х, когда общественность боролась против затопления этого исторического памятника, господствовали такие настроения: «Уральское отделение Академии наук должно поставить вопрос решительно, вплоть до выхода из состава АН, в случае, если Аркаим не будет защищен»; «Минводхозу Аркаим не нужен. Он нужен нам»; «Если Аркаим не будет спасен, идея социализма для меня падет окончательно», - такие требования во множестве приходили тогда в государственные инстанции.

Спустя полтора десятилетия проблема Аркаима вновь в повестке дня борьбы за национальное самосознание. На проходившем под председательством Г.А.Зюганова IV съезде патриотических организаций Урала в декабре 2005 года коммунистов заново призывали опереться в своей политической борьбе на фундаментальные национальные ценности: «У нас, у русских, особое отношение к челябинской земле - земле древней цивилизации Аркаима, где наши духовные корни уходят в глубь тысячелетий, – отмечал на Съезде руководитель делегации народно-патриотических сил Пермского края Ю.Н. Перхун. – Мы признательны челябинским коммунистам за их объединяющую роль в патриотическом движении Урала. Уверен, что такие встречи, обмен опытом помогают нам объединить силы в деле возрождения нашей русской, российской социалистической цивилизации. И сопоставляя опыт нашей борьбы, мы можем уверенно заявлять, что только через возрождение морально-политического духа русской нации мы можем возродить наше Отечество». Хорошие призывы и намерения. Но они так и не вышли из зала, пусть даже большого, где собралось до тысячи активистов КПРФ и патриотических движений.

Глубина исторической памяти. В итоге, если, скажем, современный поляк, как свидетельствуют данные местных социологов, в состоянии более или менее уверенно определяться в массиве имен и событий родной истории аж X — XII веков, а средний житель США знает свои этнические корни и семейную родословную на протяжении, по меньшей мере, четырех - пяти поколений, то для нынешнего русского человека личный исторический горизонт обрывается где-то на временах Великой Отечественной войны или, самое большее, на революционной эпохе 1917 года.

Весь остальной - по меньшей мере тысячелетний - этап истории для него буквально «покрыт мраком» и населен подчас лишь персонажами филлярских телесериалов. Которые пьют, развратничают, сквернословят, дурачатся - и все, на этом русская «телеистория» кончается. И понять, каким чудом такие «уродцы» создавали империю, располагавшуюся к середине XIX века сразу на трех материках (в Европе, Азии и Америке), абсолютно невозможно.

Редкими случаями узнавания на историческом пространстве, как говорит серия социологических опросов Центра исследований политической культуры России, проведенных за последние полтора десятилетия, всплывают сегодня в народной памяти очень немногие имена: Владимира Святого, крестившего Русь (его помнят 55 % русских); Александра Невского, разбившего армию крестоносцев, набранную со всей Европы, на льду Чудского озера (75); Ермака, начавшего присоединение Сибири к России (66 % упоминаний); да фельдмаршала Кутузова, изгнавшего Наполеона с его армией «дванадцати языков» из России (73). Реперные, так сказать, точки есть, но между ними – почти провал: события и лица здесь распознаются, самое большее, четвертью или третью русских.

В подобных условиях недоброжелателю легко атаковать все – историю, ценности, символы русской нации.

Проблема красного знамени. Скажем, красное знамя, которое на протяжении последних двух десятилетий прорежимные интеллектуалы усиленно пытаются трактовать как нечто «случайное», «неисторическое», «кровавое» и «призывающее к насилию». Конечно, таким атакам противопоставляется тот факт, что знамя это есть Знамя Победы. Но ведь этого мало.

Забыто, что даже Знаменем Победы красное полотнище было, самое малое, дважды: не только в 1945, но и в 1380 году, на Куликовом поле, где рать Дмитрия Донского билась под «черным», по словам летописи, т.е. красным, флагом с интернациональным в очередной раз войском Мамай, где, кроме татар, собрались воины еще дюжины народов, вплоть

до «черной» генуэзской пехоты.

Абсолютно не введено здесь в политическую полемику и другое - то, что красный цвет издревле являлся самым престижным государственным символом, за обладание которым остро соперничали ведущие страны Европы. Скажем, борьба за право его использовать в качестве государственного символа играла немалую роль в «Столетней войне» (1337 – 1453 гг.) между Англией и Францией. В итоге Франция, изначально веками имевшая красный государственный флаг (знаменитую «Орифламму»), проиграла эту схватку, заменив его на белый стяг, тогда как англичане взяли красный цвет знамени в качестве почетного трофея себе.

Так что красное советское знамя, при всем его революционном происхождении (хотя красный же цвет, кстати, доминировал и на многих знаменах Белого движения), исторически является и наиболее престижным в мировой истории символом державности.

Не случайно всевозможные радикалы наших дней – от Грузии до Украины и Киргизии – пытаются окрасить свои знамена в нечто, напоминающее красное. Именно отсюда, исходя из исторической престижности красного цвета, заокеанские политтехнологи порождали все эти «революции роз», «оранжевые» и «тюльпановые» перевороты. Кстати, неудачный выбор синего цвета («джинсовая революция») для спецоперации по свержению А.Лукашенко в Белоруссии, помимо прочих факторов, сыграл свою роль в провале попыток дестабилизировать ситуацию в этой республике в ходе недавних президентских выборов. В общем, не будь красный цвет неотделим от русского народа и коммунистов, всевозможные прозападные силы на постсоветском пространстве давно бы сражались за право назвать красное своим. Кстати, в этом ряду и попытка перехвата ныне коммунистической символики «Родины»: вспомним перелицовку ее флагов в красно-золотой цвет...

И все же: несмотря на сбой исторической памяти и открытость всевозможным внушениям, в русском самосознании сохраняется мощный плацдарм для возрождения.

Народ помнит себя. «Русские - древнейший народ, чьи корни уходят в глубь тысячелетий, внесший огромный вклад в мировую цивилизацию. Государство русского народа, Россия всегда была гарантом мировой стабильности, сдерживавшим самых страшных разрушителей (Чингиз-хана и Батыя, Карла XII, Наполеона, Гитлера)» - такова позиция более половины русских.

Тогда как утверждения, будто русские есть «имя прилагательное» и говорить о цивилизационной их роли нет смысла (4 % мнений); лицемерные сетования, что они, мол, утратили свое этническое и культурное

«я» и обречены сойти с исторической сцены (6); псевдонаучные концепции «незрелости» русских, которыми-де обязательно должен руководить какой-то другой народ (9); обвинения, что русские одержимы то ли «манией самоуничтожения», то ли мессианством (6 % упоминаний), - ничто из этого, несмотря на все внушения, в русском, да и вообще российском, самосознании не прижилось.

«Русские были, есть и будут самобытным и великим народом, даже сверхнародом, за тысячелетие объединившим вокруг себя многие и многие иные народы. За ними — будущее» - так видят суть вопроса до 35 процентов русских и россиян. В этом суть русского самосознания. Самосознания пока еще не реализованного в общественно-политической сфере.

Кто мы?

Да, русские сегодня - разделенный, расколотый народ. И не только потому, что крушение СССР оставило за границами нынешней России 20 миллионов их соплеменников. Трещины избородили сам менталитет нации, во многом лишив его однородности, а значит, и способности делом противодействовать деструктивным, угнетающим воздействиям извне. Атомизация русского этноса достигла, пожалуй, сегодня предела. И сравнима разве что с эпохой, предшествовавшей воцарению Ивана III (XV в.), сбросившего ордынское иго; или временам Смуты XVII века - до образования ополчения Минина и Пожарского.

«Свой своего не познаша» - лучшая характеристика сегодняшних русских. Судя о том, что сближает в наши дни людей, всего только 3 процента русских указывают на национальную общность. И ни религия (3%), ни культура и образование (3), ни профессия (3), ни даже жизнь в одной стране (10% упоминаний) - ничто из этого также не в силах сплотить воедино нацию. Бессильны здесь и социальные, классовые интересы (6), и политические взгляды (2), и даже чисто меркантильные, денежные (5% высказываний) устремления.

Пока хоть какое-то объединяющее воздействие (20% ответов) оказывает семья.

Однако для почти каждого третьего из наших современников их не в силах собрать вместе и сплотить уже ничто.

Ущербность эта остро ощущается самим же русским самосознанием, побуждая его раз за разом ставить перед собой вопрос о том, что делать? Однако ответ здесь оказывается, как правило, банален и не в состоянии указать пути для практического общенационального действия.

Так, говоря о ценностях и ориентирах, способных послужить объединению народа, основная масса граждан упоминает законность (45% оценок), гарантию интересов личности и народа (35), порядок (29) и т.д.

Но как всего этого добиться?

Блок же национально окрашенных ценностей стоит на втором, а то и на третьем месте. Немногие делают ставку на патриотизм (25% оценок) или восстановление целостности исторического Государства Российского (18), на память о великом историческом прошлом народа (17), на русскость и самобытность (8% упоминаний) русской цивилизации.

И все это при том, что народное мировосприятие ощущает - и весьма остро - нарастающую со всех сторон угрозу. Скажем, агрессию НАТО против Югославии до четырех пятых русских людей расценили как демонстрацию того, «чем может обернуться и для нашей страны утрата былой великой мощи». И сделали вывод: «надо провести полную смену караула на руководящем государственном уровне». Однако угроза эта, даже будучи осознанной, так и не смогла активизировать самосознание русских, перейти из плоскости чувств в плоскость дела.

Это четко проявляется в делах политики: решающая часть русских (а с ними и подавляющая масса всего населения страны) до сих пор не может увязать политику и свои национальные интересы. В отличие не только от зарубежных государств, но и стран, возникших на постсоветском пространстве, национальное (русское) и политическое (партийное) начала в России остаются не объединенными и бытуют в общественной жизни народа каждое само по себе. Отсюда постоянные поражения и утраты.

И все же, **защитить интересы России XXI века, считает относительное большинство русских (треть), смогут лишь очень хорошо организованные массовые партии, сочетающие преданность национальным и государственным ценностям с защитой идеалов социальной справедливости и народовластия.** И указывают при этом на КПРФ, видя в ней, каждый четвертый, самую «прорусскую партию».

Не зря небезызвестный г-н Познер так интерпретировал недавно это обстоятельство: «Многие из тех, кто отдает свои голоса на выборах Зюганову и его команде, на самом деле голосуют не за коммунистическую, а за националистическую идеологию». Заметим: «националистическая идеология», переводя с языка Познера, означает идеологию национально-патриотическую.

Однако, к сожалению, Познер льстит КПРФ. Созидательный национальный, патриотический момент в работе Компартии все еще слаб. Когда дело доходит до политической практики, все складывается не-

сколько иначе. Ни одна из политических партий нынешней России, будь то КПРФ, «Единая Россия», ЛДПР или «Родина», не воспринимается в качестве силы, реально опирающейся в своей деятельности на русский народ, более чем 5 – 6 процентами населения. Не случайно каждую выборную кампанию Кремль пытается заполнить эту пустоту всевозможными «новоделами», типа Русской социалистической партии или партии «Русь», о которых после голосования и освоения колоссальных предвыборных фондов уже никто не помнит.

И потому самоочевидно: та политическая сила, которой удастся идентифицировать себя в глазах русских с русским же началом, будет доминировать в отечественной политике не годы и десятилетия, а века. Русский плацдарм в политике свободен, и борьба за него – острая и жесткая борьба – впереди...

Куда идем и чего хотим?

Перманентный, длящийся уже два десятка лет кризис российского общества придал очень специфичные черты тому «образу будущего», что сформировался – хотя и продолжает постоянно менять свой облик – в русском мировосприятии. Традиционный вопрос «что делать?» не теряет ни своей важности, ни остроты и болезненности.

В частности, на рубеже XXI века одной из доминант русского «образа будущего» сделалось ощущение сильнейшего отката вспять, обрушения всего и вся в самые темные века былого, попятного исторического движения.

«Россию отбрасывают далеко в прошлое – в дикий капитализм XIX века, и делают это... «демократы» и «реформаторы», - утверждают 52 процента русских.

«У нас, особенно в Москве и прочих крупных городах (на рынках, в магазинах и просто в уличных торговых точках), ситуация такая, какой не видывали и при золотоордынском иге XIII – XV веков: все в руках «гостей» с Кавказа – и попробуй с этим поспорь», - заявляют в ходе социологических зондажей 26 процентов респондентов.

Иначе, но в том же эмоциональном ключе, воспринимает настоящее и будущее другой слой (26 %) населения: «Россия идет к почти былинным временам VII – VIII столетий, когда с Руси брал дань Хазарский каганат, именно в этом направлении спихивают страну «олигархи».

А кто-то оценивает исторические перспективы так: «Назад, в эпоху феодальной раздробленности (типа XI – XIII вв.), нас намерены завести разные региональные лидеры, -- полагают 17 процентов насе-

ления, мечтающих превратить свои области, края и республики во что-то вроде личных (а далее и наследственных) уделов, разорвать Россию на части».

Реакцией на такую историческую перспективу долгое время был «синдром бегства», т.е. попытка морально-психологически вырваться из современности, спрятаться в комфортном воображаемом мире, уйти в «историческую эмиграцию». Оказаться в будущем, которое стало бы следствием настоящего, хотели, вплоть до конца 90-х годов, совсем немногие – примерно 28 процентов населения. Окажись у многих русских в руках «машина времени», большинство сделали бы другой выбор – ушли в прошлое. Например, в советскую, особенно брежневскую, эпоху (30 – 32 % предпочтений) или в дореволюционную Россию (13 %), вплоть до Киевской и Московской Руси или петровской России.

И только в начале нового века ситуация несколько изменилась. Относительное большинство, примерно 30-40 процентов, русских и россиян пришли к мнению, что следует оставаться в собственном времени, в своем историческом пространстве. Не пытаться психологически отгородиться от него мечтами об уходе в другие эпохи и реальности, а бороться за него всеми имеющимися силами.

Русские стали обживать выпавшую им историческую стезю. Однако это вновь потребовало от них определиться: как жить дальше, как выправить куда-то не туда «сползающую» судьбу?

И здесь русское самосознание вновь упирается во все ту же стену неверия в лучшее. Ельцинский развал и путинский застой все больше гнетут самосознание нации.

Даже такая цель, получившая всенародную поддержку, как воссоздание союзного государства, решается сейчас далеко не просто. Да, от половины до трех четвертей населения хотели бы объединения в новый Союз - России, Белоруссии, Украины и Казахстана. Симпатизируют они, в каждом третьем случае, прорусским позициям жителей Крыма, Приднестровья, Абхазии. Однако в реальность такого воссоединения уже верят не столь и многие. Всего один из десяти полагает, будто все это можно сделать прямо сейчас. Тогда как менее половины русских, да и всех россиян, убеждены, что добиться объединения если и удастся, то не скоро. Половина же считают его почти невозможным.

Причина очевидна: **медленное, но непреклонное удушение российской властью идеи Российско-белорусского единого государства, серьезно подорвало веру в восстановление Союза, почти лишив, по сути дела, русское самосознание одной из немногих опор на будущее.**

Впрочем, такого рода ситуации пока еще не в силах уничтожить то, что можно назвать народной программой возрождения России, которая, как говорят, социологические данные, такова:

- «Покончить с сепаратизмом в стране; ввести реальное равенство всех территорий, включая русские земли» (37 % требований).

- «Убрать из руководства России всех тех, кто, управляя ею, служил чужим, не русским и российским, интересам, прикрывая это словами о «цивилизации» и «демократии» (27 %).

- «Вернуть народу всю ту собственность, которую у него отобрали разные хитрые дельцы за время «приватизации»; ту Советскую власть, что разрушали «демократы»; ту культуру, что искореняется на протяжении многих лет» (21 %).

Ни пресловутым «общечеловеческим ценностям», ни «демократическим» преобразованиям, ни все большей «регионализации» страны, ни борьбе с некими «фашиствующими красно-коричневыми» - ничему из этого, на взгляд большинства людей (исключая примерно четверть – треть населения России), места в будущем нет.

* * *

Русское самосознание сегодня – предмет, очень слабо исследованный. Запертое, во многом, на «пяточке» событий последнего столетия, оно остается «terra incognita» для общества вообще и для политических сил страны – в особенности.

Одни отрещиваются от него вполне сознательно (будучи абсолютно чужды ему), другие не дают себе труда обратиться к этому колоссальному массиву чувств, настроений, потребностей, идей.

Так или иначе, но пространство это сегодня, сколь-либо всерьез не освоено ни одной из противоборствующих в России общественно-политических сил и остается «ничьей землей».

В том числе очень слабо соприкосновение с миром русского и тех партий, что позиционируют себя на патриотическом фланге, включая КПРФ. Тогда как курс на национально-освободительную борьбу, столь необходимый России, и невозможный без опоры на русских - как государствообразующий народ – требует особого отношения к русскому вопросу в России.

Глава II

XX съезд КПСС и русский вопрос в России

Пятидесятилетие XX съезда КПСС, как видно уже сегодня, буквально «обречено» открыть широкую дискуссию. Дискуссию вновь, а возможно, и заново подводящую итоги не просто веку – если брать эпоху до XX съезда (1956) и после него, – но и всей истории национального бытия и отечественной государственности. Ведь это событие резко надломило ту систему жизненных ориентаций и ценностей, что складывалась в советский период. Оно создало тот идейно-политический и культурный водораздел, что обусловил политическое противостояние последних десятилетий. И сказалось практически на всех аспектах жизни России. Удар по символу масштаба И.В.Сталина, вобравшего в себя суть советской эпохи, просто не мог не отозваться и на всех сторонах жизни нации.

При этом то, что сегодня принято именовать русским вопросом, – проблема исторической идентичности и государственного существования русских – понесло здесь чрезвычайно серьезные потери.

Русский консервативный проект Сталина

Сегодня очевидно, что высокая трагедия Великой Отечественной войны и героизм послевоенного восстановления страны позволили Сталину официально провести в жизнь свой «консервативный проект» - то, о чем сегодня вдруг заговорили даже власть имущие силы, как о единственно эффективном средстве стабилизации и модернизации нашей страны. Составляющие русского консервативного проекта Сталина известны.

Восстановление целостного ядра символов, освящающих преемственность советской эпохи с наследием прошлого. **Примером здесь является введение воинских званий, погон, традиционной русской военной формы в армии и т.д.**

Прекращение гонений на Православную Церковь и начало все более тесного сотрудничества государства с ней. **В этом ряду решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1939 года, отменившее как указание от 1 мая 1919 года «О борьбе с попами и религией», так и «все соответствующие инструкции ОГПУ-НКВД, касающиеся преследования служителей церкви и православноверующих». Здесь же знаменитая**

встреча И.В.Сталина в Кремле с Патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием 4 сентября 1939 года, после которой был создан Архиерейский собор РПЦ, избравший Патриарха.

В этом ряду и организация в 1945 году в Москве «почти Вселенского собора», как определил его митрополит Вениамин (Федченков), в Гражданскую войну бывший епископом «армии и флота» у Деникина. Митрополит так писал по поводу этого события: «Неволью напрашивалась мысль: не перенес ли Глава Церкви, Господь Иисус Христос, центр ее в Москву?.. Подобное собрание всей Церкви теперь могло быть лишь в белокаменной Москве».

Придание Русской православной церкви Вселенского статуса было одним из ключевых элементов сталинского «русского проекта». Летом 1946 года было проведено самое представительное – Московское совещание глав автокефальных Православных Церквей мира, в котором участвовали делегации 11 из 13 Церквей.

Естественно, такое развитие событий вызывало бешенное сопротивление США. Как отмечалось в докладной записке Совета по делам Русской православной церкви по поводу совещания 1948 года глав Православных Церквей мира в Москве, часть зарубежных иерархов желала «разведать силы, сплывающие вокруг Московской патриархии, крепость этого объединения и не собирается ли Московское совещание присвоить Патриарху Алексию прерогативы Вселенского в ущерб Константинопольскому патриарху». Данное же беспокойство было вызвано тем, что для противодействия такому решению «американцы второй год шантажируют и вынуждают через греков и турок Константинопольского патриарха Максимоса уйти в отставку, чтобы посадить на его место Нью-Йоркского архиепископа Афинагораса-грека».

Своего рода культурная революция, последовательно вводившая в оборот знаковые события и личности прошлого. В ряд национальных героев, помимо деятелей революции и Гражданской войны, возводились и возвращались другие - от Ильи Муромца до светлейшего князя Потемкина-Таврического. Этому служил кинематограф, хотя на экраны многие из этих фильмов выходили уже после смерти Сталина и быстро оказались вне проката. Это были картины о Суворове, Нахимове, Ушакове, Петре Великом, Мусоргском, Шевченко, Франко и др. То же самое происходило в литературе и театральной сфере, исторической науке, краеведении и прочих областях интеллектуальной жизни.

Сбережение и развитие таких социально-экономических институтов, как потребительская кооперация, в которую оказалась втянута при-

мерно половина населения СССР. Решая проблемы, связанные с реализацией сельскохозяйственной продукции – и в городе, и на селе, она снимала многие из тех вопросов, что позднее буквально удавкой начали душить советское общество, уничтожая русскую деревню и почти до голода доводя русские города.

Именно потребкооперация, по сути дела, формировала общенародный, коллективистский пласт советской рыночной системы. И это тоже – один из элементов сталинского «консервативного» проекта».

Приоритетное развитие центральных русских областей. Создание новой индустриальной базы за Уралом привело к удвоению индустриальной мощи русского индустриального «сердца» страны, не нарушив при этом нормальный ход экономического развития всего Союза. Мощь России возрастала, рос и ее престиж, как за рубежом, так и в самом Союзе. Это осуществлялось при весьма аккуратной, а главное – естественной индустриализации национальных республик, через приоритетное выращивание их собственного рабочего класса и технической интеллигенции. Вот еще одна важнейшая черта сталинской политики.

Всемерное воспитание естественного уважения к государствообразующему русскому народу. Пример здесь подавал сам генералиссимус. Вспомним хотя бы его знаменитый тост за русский народ.

Все это было неотделимо от имени и дел Сталина, слито воедино и отковано в его консервативно-национальный проект, который, кроме всего прочего, призван был очистить общество от идеологических последствий троцкизма. Включая одно из самых тяжких – требование, вопреки духу и букве марксизма, вечного покаяния русских за грехи интернационального класса эксплуататоров времен царизма и поражения русского народа (из которого в массе своей состоял советский рабочий класс) в реальных правах в пользу других, все еще преимущественно мелкобуржуазных, национальностей страны.

Мало того, сталинский проект очищал общество не только от наследия троцкизма, но и от того русофобского багажа в общественной и государственной жизни, что копился, самое малое, с XVIII столетия – со времен бироновщины. От тех, кто рассматривал богатства России как якобы «ничье» достояние. И вечно пытался раз и навсегда произвести отчуждение этих богатств от самого русского народа.

Именно поэтому доклад, вдруг вынесенный Н.С.Хрущевым на XX съезд, совершил не просто политический, но и цивилизационный – ибо к тому времени уже возникла советская цивилизация – переворот. Он, по сути дела, перечеркнул (сначала директивно и словесно, а затем и на уров-

не государственной практики) все сталинское начинание.

С XX съезда все, что являлось русским поворотом Сталина, было прозвано «периодом культа личности», подлежащим осуждению и ликвидации «во всех областях партийной, государственной и идеологической работы» (так говорилось в специальном постановлении XX съезда по докладу Н.С.Хрущева).

Антирусский проект Хрущева

Харизматическая личность Сталина – а таких подлинных харизматиков, т.е. деятелей милостью Божьей в глазах людей, вся история человечества знает за тысячелетия с десятков - была превращена в нечто мистически inferнальное, в темное начало как своей, так и всей мировой истории. А с ним дискредитирован оказался и русский проект в СССР, а затем и в России.

Конечно, многие из этих антисталинских импульсов проявились на самом XX съезде не в полную силу. Однако вытекающая из хрущевского доклада «оттепель» вскоре превратила их в движитель очередной волны гонений.

И на православие, что оказалось вполне сравнимо с ожесточенной травлей Церкви троцкистами в послеоктябрьскую эпоху. И на русскую армию, которая старательно дегероизировалась. И на образ самой Победы – ведь Сталин, согласно Хрущеву, якобы «по глобусу» руководил сражениями. И на русскую составляющую национальной культуры, которая все более выхолащивалась под громкие слова об интернационализме. И на потребительскую кооперацию, загубленную невероятно жестокой хрущевской налоговой политикой, заставлявшей крестьянина опускать от отчаяния руки и широко открывавшей спекулянтам-перекупщикам ворота некогда и вправду колхозных рынков. И на сами русские земли страны, из которых выкачивались средства и людские ресурсы для форсированной «индустриализации» национальных окраин, что быстро превратило русских в глазах других народов в ущербный слой населения, стоящий в самом низу реальной социальной лестницы.

Именно антисталинские эскапады хрущевского доклада стали со временем тем стержнем, вокруг которого принялись кристаллизоваться все более мощные и наглые антисоветские и антигосударственные силы, получившие своего рода морально-политическую индульгенцию. Именно доклад Хрущева сыграл роль спускового крючка сверхооружия грядущих «перестроек» и «реформ», которые разрушили СССР, уничтожили социализм, возродили в стране капиталистические отношения

«троглодитского» типа, открыв современную эпоху геноцида русского и других исторически ему родственных народов.

В итоге борьба между идеей русского консервативного проекта Сталина и практикой целого ряда проектов враждебных России сил сделалась одной из доминант отечественного самосознания. **Она то выплескивалась на поверхность массового восприятия (особенно в ключевые моменты общественно-политического развития), то уходила в глубь народного менталитета. Но никогда не исчезала, оставляя свой отпечаток в сознании нации.**

Хрущевская оттепель, с ее отчетливой антирусской подоплекой; поздний брежневский «застой», который окончательно выпестовал националистическое перерождение «элит» на окраинах Союза и оттер русских на периферию государственной жизни; годы горбачевской перестройки, введшее антирусские пассажи практически в норму «хорошего тона» в публицистике и делах политики; а затем и нынешняя эпоха открытого геноцида русского народа – вот пути развития тех тенденций, что вбросил в общество хрущевский доклад XX съезду.

И могло показаться, что этого полувекового скрепирования русских начал должно было с избытком хватить на то, чтобы семена XX съезда не только вззошли, но и дали свои пышные всходы и губительные плоды. Но нет, один из парадоксов нашей жизни заключается именно в том, что отнюдь не Сталин и его консервативный русский проект стали из года в год все активнее отвергаться большинством российского общества. Отвергаться начало другое – идейные наследники и политические проводники мифов и идеологем хрущевского доклада.

Русский проект Сталина как пробный камень в политике

Русский консервативный проект Сталина превратился в наши дни в общественную ценность, все очевиднее играющую роль пробного камня для оценки всех политических сил и лидеров страны. Об этом, в частности, говорит серия опросов общественного мнения, предпринятых нашим Центром исследований политической культуры России (ЦИПКР) в 2003-2006 годах на базе стандартной «панельной» репрезентативной выборки в 1500 респондентов из 30 регионов РФ.

Опросный мониторинг ЦИПКР прямо говорит о том, что не случайно среди запросов, обращаемых ныне к власти, в том числе к Государственной Думе, одно из центральных мест занимает требование «убрать из руководства России всех тех, кто, управляя ею, служит чужим,

не русским, не российским интересам». А также – призыв «передать экономику, политику и финансы России в руки русских и других исторических народов нашей земли». Эту программу-минимум, как говорят материалы наших исследований, устойчиво поддерживают более половины граждан страны, тогда как оспаривает, самое большее, треть.

Другое дело, что образ выразителя этой, заново нарождающейся, национальной идеи в общественном восприятии так и не сложился. Да, больше всего шансов на эту роль имеет КПРФ. И все же видеть в ней самую «прорусскую партию» решается в лучшем случае четверть населения. Хотя более четырех пятых самих коммунистов, о чем свидетельствуют внутрипартийные опросы общественного мнения, проводимые ЦИПКР, и правда видят одну из главных своих целей в том, чтобы органично объединить марксизм и русскую идею.

Тогда как в «Единой России» самую прорусскую силу усматривает один из двенадцати русских, россиян. А в ЛДПР – лишь каждый двадцатый.

Иначе говоря, облик «русской партии» в современной России все еще не сформировался. Роль эта вакантная... Видимо, поэтому и работают в Кремле над своим «консервативным проектом», пытаясь осуществить захват этого идеологического, политического, цивилизационного пространства и на его основе совершить очередную перелицовку партии власти.

Очевидно, что именно объективная необходимость в русском консервативном проекте, все более ощущаемая нашим обществом и в то же время никак не реализуемая на практике, и явилась в наши дни одной из причин принципиального поворота в массовом восприятии XX съезда и всего с ним связанного. Самосознание русских и россиян за истекшие полстолетия сложилось принципиально иначе, нежели планировали «отцы» антисталинского переворота.

Весьма красноречива реакция общественного мнения.

«Сталин правильно рассматривал русских как главный, государствообразующий народ нашей страны», - так зазвучали оценки относительного большинства (46 %) русских и россиян, отвергаемые всего лишь 27 процентами граждан.

Хотя, конечно, не все в сталинской традиции еще понятно нашим современникам. Не ко всему они готовы. Слишком много «табу» накопилось за истекшие годы. Так, например, работа Сталина по созданию «великой славянской империи» вокруг СССР, по сути дела воплотившаяся в социалистическое содружество советской поры, сегодня смутна для 60 процентов населения России.

И в то же время многое другое из сталинского русского проекта, не раз ошельмованное и проклятое официальной пропагандой и инфор-

мационным официозом, ныне не просто живет в народе, а поднимается на щит.

«Сталин жестко спрашивал с самых высокопоставленных деятелей страны. Надо ли было ему так поступать?» - так ставился один из вопросов по ходу социологических исследований ЦИПКР. «Надо!» - отвечают почти две трети населения против 10 процентов наших сограждан.

Полностью рассеялась хрущевская ложь, дискредитировавшая Сталина как полководца, а Победу в Великой Отечественной войне - как народный подвиг и результат военного гения народа и страны.

«Байки насчет «прострации» Сталина в первые дни войны – откровенная ложь. Доказано, что уже в первые дни войны он встречался с десятками людей... Наши нынешние критики Сталина судят по себе. Уж они-то, окажись в его положении, и верно – насмерть перепугались бы», - эти и близкие им оценки ныне разделяет половина населения России...

Крах мифов XX съезда

В общем, постулаты хрущевского доклада в глазах наших современников рушатся один за другим. И не случайно нынешняя партия власти устами лидера «Единой России» Бориса Грызлова заявляет, непонятно, к кому обращаясь: к теням ли Сталина, Хрущева и КПСС или к здравствующей КПРФ – что-де «пересмотр решений XX съезда, какими бы они ни были, недопустим».

А собственно, почему? На небесах, скрижалями это не предreshено. И потому даже не пересмотр, а низвержение в народе идет в полную силу.

Образ XX съезда КПРФ приобрел в глазах ныне живущих русских и россиян весьма определенный характер.

«Наверное, просчетов, ошибок, нарушений законности в эпоху Сталина было немало, однако в хрущевском докладе только они и были взяты в расчет, предельно сконцентрированы, доведены до абсурда... Клевеще на Сталина, Хрущев выполнил ту роль разрушителя Советского государства, которую возлагали на него ненавидящие Россию мировые и действовавшие внутри СССР силы... Хрущев стремился, втоптав в грязь Сталина и его эпоху, возвыситься сам... Хрущеву и его докладу на XX съезде мы, в конечном счете, и обязаны нынешними нашими несчастьями и трагедиями» - такова сумма настроений, которая примерно на 60 процентов определяет сегодняшнее общественное мнение. Иначе говоря, на уровне народного, русского прежде всего, мировосприятия, антисталинские константы хрущевского доклада XX съезду оказались развенчаны и отменены.

Образ же Сталина и его русского консервативного проекта – без всякой идеализации – в целом уже не только обелены и восстановлены в исторических правах, но и заново становятся критерием при оценке позиций и дел современных лидеров. В то время как Хрущев и его доклад все очевиднее сбрасываются в разряд вещей стыдных и осуждаемых. Превращаются в антиценность русского, российского самосознания.

* * *

Впрочем, противостояние это не окончено. Наоборот, его суть становится все яснее.

Политическое противоборство побуждает «детей XX съезда» к небывалой для них откровенности. «Главным результатом XX съезда стало не робкое осуждение сталинизма, но то, что осужден был лишь сталинизм. О главных болезнях русского духа так никто и не задумался», - пишут сегодня либеральные «Известия».

В общем, били по Сталину, а целились-то во все русское. Не получилось. И теперь хочется наверстать. Что же, большей откровенности здесь и ожидать нельзя.

Глава III

С ЭПОХОЙ – НЕ В ЛАДУ...

Некоторые итоги дискуссии о 50-летию XX съезда КПСС

Расклад общественно-политических событий в последний месяц сложился так, что на сравнительно небольшом отрезке времени сконцентрировались и теснейше переплелись самые разные – нередко знаковые – факты, события, даты. Они очень четко и даже броско вдруг охарактеризовали настрой умов и состояние, что называется, души как ведущих представителей власти имущих сил, так и тех интеллектуальных (и околоинтеллектуальных) кругов, что идейно окормливают либо хотели бы окормливать российские «верхи».

Бурная общественная дискуссия в связи с полувековым юбилеем XX съезда КПСС была в центре идеологических баталий последних недель. Но в эту канву вплелось и развитие событий, связанных с антикоммунистическими демаршами ПАСЕ. Здесь и интрижка вокруг «антифашистского» документа окол властных сил, ведомых «Единой Россией». Здесь и 75-летние юбилеи Б.Н.Ельцина и М.С.Горбачева, выплеснувшие на страницы прессы и в эфир всю, давно уже вышедшую в тираж за ненужностью, «королевскую рать» этих разрушителей Отечества. Здесь и новые идейные «гримасы» Кремля, который никак не может нащупать сколь-либо прочную мировоззренческую почву и шарахается из сторон в стороны, в очередной раз проклиная то, чему клялся в верности еще вчера.

Разные люди, разные темы и поводы для высказываний. Однако сложившись – будто кусочки мозаики – в одно, их совокупность рисует редкостный разброд в умах сегодняшней элиты, который зашел уже столь далеко, что есть все основания утверждать: эти власть имущие «верхи» все меньше представляют, кем им следует быть (а точнее – подавать себя обществу и казаться) и какой дорогой идти.

Кризис власти явно делает новый шаг вперед.

XX съезд: в схватке образов победил Сталин

Это хорошо видно уже на примере очередного провала операции по выкорчевыванию памяти об И.В.Сталине в народе. Отгремели последние – а может стать и не последние – залпы высказываний по пово-

ду XX съезда и исторической роли Н.С.Хрущева. Своего рода точку в них поставила, пожалуй, английская «Гардиан», подведшая итог тому развенчанию хрущевского предательства, в которое превратился этот юбилей (вопреки желанию тех, кто попробовал устроить из пятидесятилетия Съезда еще одно антикоммунистическое действие).

«Хрущев попытался возложить всю вину на Сталина, в то время как его собственные руки были по локоть в крови», - эти слова историка Ю.Жукова, опирающегося на недавно рассекреченные архивы, поставила в центр своей публикации ведущая британская газета. «Это переоценка происходит в тот момент, - подчеркивает «Гардиан», - когда все больше критиков обрушивается на Владимира Путина, которого обвиняют в попытке установления авторитарного режима...».

Тогда как личность Сталина делается все более привлекательной для россиян, признает «Гардиан». Он явно выигрывает исторический поединок со своим обличителем. «...Сталин остается очень популярным в стране: ему по сравнению с Хрущевым положительную оценку дают больше людей... Исследование, проведенное Всероссийским центром изучения общественного мнения, показало: 50 % россиян считают, что Сталин сыграл положительную роль в истории страны. В 2003 году их было 46 процентов».

Мало того. Очередной спор вокруг эпохи Сталина вдруг ввел в оборот такие сведения о сегодняшних днях, которые в самом неприглядном свете показывают именно нынешний режим. Так, по признанию ведущего кремлевского аналитика Г.Павловского, «только за 93 – 94 годы число заключенных в России увеличилось более чем в 2 раза... А на момент прихода Путина к власти количество зэков в одной России достигло миллиона 600 тыс. человек... По статистике ежегодно в тюрьмы попадают более миллиона человек»...

А ведь страна не пережила ни трех войн, ни двух революций – как при Сталине; не была так маргинализована и криминализована, не испытала (вроде бы) такого распада общества и личности. А репрессивный маховик раскручен сильнее, чем в 20 – 30-х годах...

Здравницы из иномирья

Остановить процесс возрождения позитивной памяти о Сталине оказываются не в силах никакие попытки - ни канонизировать Хрущева (вроде недавней инициативы прокремлевского движения «Наши» дать его имя одной из улиц Грозного), ни заново взгромоздить на почетный пьедестал ныне здравствующих борцов с коммунизмом и разрушителей СССР.

Чего стоило одно лишь помпезное торжество по случаю ельцинского юбилея, справлявшегося как государственный праздник – со здравицами по всем каналам СМИ и банкетом в Кремле, долженствовавший, судя по всему, напомнить и доказать, что «эра Ельцина» не прервалась и осеняет собою нынешнюю ипостась режима.

«... При Ельцине Россия приобрела свободу», - это определение, брошенное В.Путиным, сделалось лозунгом дня, стало признанием нынешнего президента, вроде бы неоднократно пытавшегося отмежеваться от своего обанкротившегося предтечи, в абсолютной ему лояльности.

Ельцин же, в свой черед, не менее однозначно определил свой личный взгляд на все им сделанное. «Главное достижение, что большевистская, тоталитарная, коммунистическая система у нас сломана, создано демократическое государство на общественных, рыночных отношениях... эти институты работают... и улучшаются... с каждым годом», - поведал он стране.

Стране, у которой, как тут же выяснилось, на этот счет оказалось свое, совсем иное, мнение. Здесь между Ельциным, как символом «новой России», и самой реальной Россией, а также всем миром, оказалась стена взаимного непонимания и очень разного восприятия действительности.

Мир эту нынешнюю Россию все откровеннее, как говорят исследования британской «Би-би-си», презирает и ненавидит: сегодня по уровню негативных оценок (16 %) она уступает лишь Ирану и США. Свой же народ ее не приемлет вообще.

Так что, сравнивая две власти – созданную Ельциным и его последователями с советской порой, - большинство населения упорно продолжает считать легитимной именно Советскую власть, трактуя (согласно данным Центра Левады) строй ельцинско-путинской формации как нечто коррумпированное (62 % мнений), далекое от народа (42), непрофессиональное (12) и т.п. Причем настроения эти, немного ослабшие с воцарением Путина, сегодня вновь достигли остроты ельцинских времен и даже их превзошли.

Мало того: в подобном отторжении нынешнего строя сошлись практически все: и коммунисты, и единокороссы. Так, например, власть считают коррумпированной 73 процента первых и 61 вторых; далекой от народа соответственно – 49 и 38 процентов избирателей...

Это и понятно. Поскольку самое большее, что удается основной массе россиян, большинству нации - в отличие от постоянно демонстрирующего свое довольство жизнью Ельцина – это «притерпеться» к обстоятельствам (51 % признаний в 2006 г.). В то время как 21 процент терпеть уже не в силах. И лишь 22 процента ощущают себя «не так плохо».

Однако продолжать «дело Ельцина» - быстро, решительно и до конца проводить начатые им «реформы» - согласны лишь 11 процентов населения, т.е. всего половина и этих оптимистов...

По данным мониторинга общественных настроений, который ведет наш Центр исследований политической культуры России, господствующими жизненными ощущениями россиян были и остаются острое разочарование (34 % мнений), боль от обманутых надежд (24), страх (15), чувства растерянности и опасности (11 – 13 %), а также ряд прочих негативных оценок. В то время как положительные настроения, в целом, ограничиваются лишь известным спокойствием (20 % упоминаний) и удовлетворенностью (14) от сбывшихся надежд. А радость и счастье как были, так и остаются роскошью, доступной, самое большее, одному из шести - семи россиян. Вот такое расхождение с радостными и свободными настроениями, которые генерировал Ельцин.

«Первый президент» и русский, российский народ живут в разных мирах, в несовпадающих жизненных измерениях: сытый голодных, как всегда, - «не понимает»...

Социал-демократическая «сказка про белого бычка»

Со столь же далекой «планеты» попытался пообщаться с россиянами и другой «новорожденный» - М.С.Горбачев. Не так бравурно отмеченный, как ельцинский, его юбилей, а также бесчисленные комментарии последнего генсека КПСС по поводу юбилея XX съезда – в плане политическом – оказался посвящен все тому же, что и прежде: воспеванию социал-демократической идеи для России. Точнее – для... КПРФ. Угробив попытками социал-демократизации КПСС, он опять полон энтузиазма (появись у него шанс) проделать нечто подобное и с российской Компартией.

Суть многих его интервью свелась к следующему: мол, если бы КПРФ повернула к социал-демократии, то сейчас она была бы «ведущей партией страны». В общем, есть на ком поэкспериментировать. «Готов участвовать в строительстве такой партии – один раз попробовал и сейчас готов, - заявляет Горбачев, которому вроде пора бы утихомириться. - Хотя на базе той же КПРФ...».

И остается лишь спросить: так почему же самому «Горби», уже неоднократно создававшему и вдохновлявшему нечто социал-демократическое в российской политике, не стать этой самой «ведущей партией страны»? Почему он сам не использует сей «золотой ключик» политического успеха? Если все так просто: назвался социал-демократом – и вот она, победа, и все проблемы решены?

Сказка эта не сбывается, видать, уже потому, что для России никак не подходят ни дело, ни дух социал-демократии. Которая, в отличие от коммунистов, видит свое призвание не в том, чтобы уничтожить эксплуатацию человека человеком, а в некой «гармонизации» этой эксплуатации. И пробует выступать всего лишь посредником между трудом и капиталом, сшибая этим посредничеством свой политический и социальный «процент» в виде голосов на выборах, мест в парламенте, министерских портфелей и гешефтов с большого бизнеса.

И еще: стать социал-демократом – это не только принять, но и всеми средствами распространять западные, так называемые «общечеловеческие ценности» (не взирая на то, что три четверти человечества их буквально на дух не переносят). Вплоть до навязывания их силой оружия: нельзя же забыть, что агрессию США против Ирака активнее прочих поддержали именно европейские социал-демократические правительства.

Тем более что есть кому проконтролировать подобную преданность западной идее. А если надо – то и жестко поправить. Ведь быть настоящей социал-демократической партией сегодня – значит состоять в Социнтерне. Все прочие «социал-демократические» партии, не удостоенные этой чести, таковыми в решающей степени просто не считаются, довольствуясь ролью чего-то вроде деревенской самодеятельности. Социнтерн же – организация, предельно дисциплинированная и жесткая. Она умеет заставить подчиниться. Членство в ней во многом означает отказ от национальных интересов в пользу задач наднациональных, глобалистских.

Вот куда заманивает коммунистов, под шумок обсуждения уроков XX съезда, Горбачев, недавно с шумом покинувший собственноручно созданную социал-демократическую партию. Вот почему ни КПРФ, ни отечественный избиратель – за исключением десятых долей процента голосующих – ни на какие социал-демократические приманки не клюют.

Консервативный проект Кремля – прощай?

Не потому ли при всей своей любви порассуждать о чем-то социал-демократическом нынешняя партия власти вовсе не спешит открыто провозгласить себя таковой. Хотя политика ее и правда очень даже близка социал-демократии. По крайней мере тем, что национальные интересы России последовательно сдаются Кремлем и ставятся в зависимость от интересов Запада.

Казалось, антикоммунистический по форме и антироссийский по сути демарш в ПАСЕ пробудил что-то от здравого смысла в умах российского

руководства. Оно вроде бы осознало, что под прицел попадает именно Россия как страна-продолжатель СССР. И потому уравнение Советского Союза с фашистской Германией раз и навсегда отбрасывает нашу страну вместе с ее нынешними господами на презируемые задворки мира.

Вот только протрезвление длилось недолго. Уже по ходу вояжа президента Путина в Венгрию и Чехию зазвучали заявления, вполне вписывающиеся в антикоммунистическую линию ПАСЕ. Они, в частности, реабилитируют по существу профашистский путч 1956 года в Венгрии и осуждают Ю.В.Андропова, руководившего действиями советской стороны. «Мы несем моральную ответственность за то, что произошло в августе 1968 года», - заявил неожиданно для зарубежной публики Путин в Праге, успев произнести нечто подобное и в Будапеште.

И хотя президент России как бы понадеялся, что возникающая из его высказываний проблема чудесным образом сама собою рассосется: якобы «старые трагедии не могут быть использованы для нынешних политических целей» - реакция на Западе оказалась ожидаемой. Высказывание Путина немедленно стало потребляться там именно для текущих политических целей. Оно оказалось «благосклонно» подхвачено западными комментаторами и аналитиками, тут же поставившими Россию рядышком с нацистской Германией: «Немецкая или российская вина не вечна. Вечны Катынь и «Циклон-В», - утешили европейские СМИ россиян.

Причем речь здесь идет не просто об одном из очередных неудачных выступлений Путина. В новый вираж или штопор пошел весь курс «партии власти». Немало поговорив за последнее время о патриотизме и даже прозрачно намекнув о готовящемся повороте в сторону некоего таинственного «консервативного проекта», Кремль резко затормозил и повернул совсем в другую сторону.

Своим главным противником в период грядущих федеральных выборных кампаний - помимо неких отдельных олигархов - он провозгласил столь же безымянно партию «двух шагов назад», патриотов, которых нельзя назвать патриотами. В этой партии «двух шагов назад» легко угадывается тот образ, который сейчас прорежимные СМИ формируют вокруг Компартии: «Назову их изоляционистами... – чуть приподнял завесу тайны над перечнем врагов «Единой России» в 2007-2008 годах заместитель руководителя администрации президента В.Сурков. – Это такие почти нацисты, люди, которые муссируют дешевый тезис, что и Запад, – это страшно, нам Запад угрожает, и китайцы на нас наступают, и мусульманский мир нас подпирает, и Россия для русских...».

В самом деле, знакомые утверждения. Ведь это их совсем еще недавно, в 2005 году, развивал в скандальном интервью германскому

журналу «Шпигель» тот же В.Сурков. «Цель Запада – разрушение России, и заполнение ее огромного пространства многочисленными недееспособными, квазигосударственными образованиями. Главными задачами интервентов является уничтожение российской государственности...», - все это установки самого В.Суркова. Так что же произошло?

Очевидно, что речь пошла об отказе режима от государственных амбиций и любых реально консервативных проектов. Посулы поставить в центр очередной новой национальной идеи какие-то «воспоминания об имперской мощи СССР» тут мало что меняют. Наоборот, они скорее подчеркивают легковесность заявлений. Ибо строить национальную идею на воспоминаниях просто-напросто невозможно.

Об этом же говорит и другое утверждение В.Суркова, этого, пожалуй, наиболее профессионального представителя администрации Путина, выдвинувшегося на роль идеолога партии власти: «Что касается того, что у нас в XX веке родилось довольно странное тоталитарное государство, то и здесь следует помнить, что мы не были одиноки, что в той же Европе существовали нацистская Германия, фашистская Италия, франкистская Испания».

Вот все и сошлось. Заявления Кремля по духу, и чуть ли не по букве, совпали с антироссийской и антикоммунистической резолюцией ПАСЕ. Советский Союз оказался уподоблен нацистской Германии и фашистским режимам Муссолини и Франко. Слабенькая фронда Кремля в отношении Запада кончилась, не успев начаться. Точка зрения Запада оказалась безоговорочно принята в Кремле, вопреки национально-государственным интересам.

«Антифашизм» коричневатого оттенка

Мало того, казенный антикоммунизм в России, явно вдохновляемый и синхронизированный с демаршем правых европейских сил в ПАСЕ, приобретает все более фашизоидный характер. Симптоматичны игры вокруг так называемого Антифашистского пакта, подписанного «Единой Россией» и такими прорежимными партиями, как ЛДПР, СПС, «Патриоты России», АПР и др. Пакта, изначально задуманного как далеко идущая провокация. Ведь, как известно, КПРФ даже не была приглашена на обсуждение его содержания; ее не пригласили и к подписанию. Более того, в самом пакте ничего толком не говорится о борьбе с русофобией, составляющей, наряду с антикоммунизмом, главную суть того же нацизма. Зато уравниваются понятия фашизма с национализмом и разжиганием социальной розни. Получается так: требуешь, что-

бы тебе выплатил зарплату твой хозяин, - ты фашист. И ату тебя!

В итоге неучастие в пропагандистском шоу «Единой России» коммунистов, которые кровью миллионов членов своей партии заплатили за победу над фашизмом, стало преподноситься официальной пропагандой как потакание фашизму, очередное “доказательство” наличия в рядах КПРФ неких фашистов, антисемитов и ксенофобов. В общем, пошла работа на образ «партии двух шагов назад», определенный Сурковым в качестве главного врага «Единой России».

Хотя даже либеральные СМИ вынуждены были дать такие определения пакту: «Государственный антифашизм в форме борьбы с политическими конкурентами», «Партия власти будет бороться с “новыми фашистами”, а заодно – с политическими конкурентами». И все же прорежимная печать продолжает отрабатывать спецзаказ по поиску «фашистов» в среде коммунистов. И пошло-поехало...

Даже участие в манифестации 23 февраля в Москве - в одной из колонн партии «Родина» - представителей некой крохотной радикальной группировки тут же было навешано на коммунистов как доказательство их «профашистскости». «В тесном строю, почти плечом к плечу, прошли по столичным улицам записные либералы, коммунисты-интернационалисты и лево-правые экстремисты всех цветов и мастей», - живописал «Московский комсомолец». А когда на митинге КПРФ 4 марта на Октябрьской площади с трибуны выступил некий лидер Движения против нелегальной эмиграции, то это тут же было использовано для новой волны криков: «Зюганов наступил на коричневое»; «После событий 23 февраля и 4 марта КПРФ совершила Большой Прыжок, перескочив одним махом весь умеренный центр и оказавшись на крайне правом фланге российского политического спектра».

То, что играми вокруг Антифашистского пакта коммунистов начали «подводить под статью», сделалось очевидным. С обычной для него картинностью сие открыто продемонстрировал В.Жириновский, заявившийся на стрельбище чуть-чуть поразвлечься: «Взяв автоматический пистолет Стечкина, депутат вспомнил, что забыл очки, - рассказывают «Новые известия». «Надо было портреты врагов повесить, – заявил он. – Зюганов, Rogozin, Немцов, Явлинский, Хакамада. Чтобы был стимул стрелять». Такой вот антифашизм, мечтающий поставить к стенке всех «кто не с нами», а следовательно – «против нас». В очень знакомой по гитлеровской Германии манере, подведя под расстрел всех – от коммунистов до деятелей яро буржуазных партий.

Впрочем, по сообщению той же газеты, ситуация сложилась по прин-

ципу - «не в коня корм». Сделав десять выстрелов, вождь ЛДПР угодил в мишень лишь однажды. А это символично, поскольку и вся антифашистская истерия в стране явно не выгорает.

По данным проправительственного ВЦИОМ, подавляющее большинство (51 %) граждан просто не видят в российском обществе никакой фашистской опасности, никаких ее реальных проявлений и никаких потенциальных носителей. Даже такая структура, как Национал-большевистская партия, постоянно подаваемая обществу в ранге «коричневой угрозы», идентифицируется в этом качестве лишь 15 процентами населения.

Тогда как к КПРФ ничто фашистское, несмотря на все старания противников, не липнет. Именно ее подозревают в «коричневых» поползновениях в самую последнюю очередь. И делает это лишь один процент населения (тогда как «антифашистскую» ЛДПР трактуют фашистской вчетверо больше россиян).

В общем, из очередной полосы испытаний Компартия выходит ощутимо окрепшей. Процесс восстановления ее позиций в преддверии нового избирательного марафона только усиливается. Похоже, что начинает работать и тот политико-психологический механизм «негативного консенсуса», который всегда оборачивал любые нападки на коммунистов им же на пользу. В начале 2000-х годов он дал сбой, а затем и вовсе перестал действовать. Сегодняшние атаки на КПРФ восстановили его заново.

Не случайно, согласно последним социологическим замерам, президентский рейтинг Г.Зюганова прочно, хотя и с большим отрывом, держится на втором месте после путинского. И если нынешний президент не сможет «вырулить» на третий срок правления, шансы лидера КПРФ, даже по сегодняшним данным, сразу поднимутся до 19 процентов вероятных голосов определившихся граждан (по данным февральского опроса Левада-центра). Это почти уравнивает его положение в делах политики с лидером списка Ю.Лужковым, располагающим 21 процентом аналогичных симпатий. Г.Зюганов заметно превосходит по влиянию даже такого раскрученного «преемника», как министр обороны С.Иванов.

* * *

Политические кампании последнего времени, особенно дискуссия вокруг уроков XX съезда, всколыхнув общественное мнение и немало напомнив стране, побудили людей многое обдумать и многое за-

ново оценить. И результат этой работы мысли оказывается не в пользу властей.

Последние все больше замыкаются в скорлупе своих политических грез, все меньше обращают внимание на жизненные реалии. Они все реже и боязливее соприкасаются с миром народных надежд, побуждений и ценностей. Все больше и больше выпадают из нашей эпохи.

Глава IV

РУССКИЙ ВОПРОС И КОММУНИСТЫ РОССИИ

Многое говорит за то, что в большую мировую политику, как то всегда бывало в переломные эпохи истории, все сильнее начинает вступать славянский вопрос – проблема противостояния славянства и Запада. Гибель президента Югославии Слободана Милошевича, похороны которого вылились в давно не виданную акцию единения, о многом здесь говорит. Ужесточение давления Запада на братскую Белоруссию в связи с впечатляющей победой на выборах другого славянского лидера – Александра Лукашенко – в этом же ряду событий. Здесь и сражение за геополитическую ориентацию Украины, обострившееся в связи с парламентскими выборами. На всех этих фронтах противостояния мирового славянства и Запада заметна роль КПРФ и ее лидера Г.А.Зюганова. Когда полмиллиона сербов скандируют «Россия! Россия! Россия!» при его появлении на площади, становится все более очевидным, что славянская проблема во все времена являлась одновременно и проблемой русской.

Так было и во времена великого князя Святослава Игоревича, и в эпоху Александра II, и при Сталине. В последние же полтора десятилетия эта взаимосвязь – как и все прочие, историей завязанные, нити преемственности – оборвалась, что сразу и трагически сказалось на славянском мире. Предопределив, в частности, судьбу южных славян, брошенных «новой» Россией один на один с очередным нашествием Запада. Новый глобальный мировой кризис завязывается ныне там, где и всегда, - на Балканах, в «мягком подбрюшии» Европы, как называл их У.Черчилль...

Отсюда – колоссальная и все более растущая не только сугубо российская, но и геополитическая «себестоимость» русского вопроса в современном мире. Решение которого, тем не менее, возможно лишь в национальных, российских рамках. Именно поэтому ключевым вопросом российского общества делается проблема русской самоидентификации, вопрос о действенной русской идеологии.

Кто мы, откуда и куда идем? Вот те основополагающие мировоззренческие узлы, что обязана «развязать» идеология, претендующая в наши дни на роль объединяющей страну силы. И в первую очередь ей надле-

жит ответить: почему создавший отечественную государственность и цементирующий ее русский этнос не одно уже столетие упорно и бескомпромиссно оттирается и отступает на периферию своего же общества? Реакция на спектр возникающих тут проблем со стороны ныне властвующего на Руси режима также общеизвестна и откровенна: если их не удастся замолчать, то вопросы эти забалтывают, погребая под ворохом пустопорожних, но очень «онаученных» подчас рассуждений.

Сама жизнь вынуждает именно коммунистов дать на это прямой, честный и, что особенно важно, квалифицированный и внятный ответ.

Тяжелое наследство коммунистов

Скажем прямо: коммунистам здесь досталось тяжелое наследство. Оно прослеживается еще с тех времен, когда страх перед российскими императорами, принявшими на себя (согласно их мировидению, конечно) крест спасения мира от анархии, внушал революционной Европе ощущение угрозы и со стороны всего русского народа, даже целого славянства. Поскольку именно русские, славяне составляли социальную опору Российской империи, стержень ее военной силы и источник морально-психологической энергии, питавшей политику великой державы.

Мы знаем: синдром «генетического» страха перед всем русским видоизменялся и изживался в отечественном коммунистическом движении долго. Более того, как раз по этой «линии» и пролегла своего рода разграничительная черта в самой партии: чаще потаенная и размытая, реже (во времена глубоких потрясений) - явная и четкая.

И когда в нынешней КПРФ говорят о «двух компартиях», существовавших в рамках КПСС: компартии номенклатуры, мало что общего имевшей с народом, и компартии простых людей-тружеников, видевших в КПСС гаранта истонных государственных устоев, — речь по существу ведется об этой внутренней грани.

Наиболее громко и зримо “раздвоение” это, пожалуй, проявилось еще в раннюю послереволюционную эпоху. Красноречива знаменитая формула Н.И.Бухарина: “Мы в качестве бывшей великодержавной нации...должны поставить себя в неравное положение... Только при такой политике, когда мы себя искусственно поставим в положение, более низкое по сравнению с другими, только этой ценой мы сможем купить доверие прежде угнетенных наций” (Двенадцатый съезд РКП(б). Стен. отчет. - М., 1968. С.613).

Следы этого подхода сохранялись в партии и потом, лишь меняя свои обличья. Во многом реанимированный во времена хрущевской “отте-

пели”, он предрешил и немало нынешних проблем.

Трещина здесь не затягивалась. Наоборот, ее пытались всемерно расширять. Иногда это не удавалось, и энтузиасты борьбы с русскими началами ставились на место, подобно будущему “архитектору” перестройки А.Н.Яковлеву, чья деятельность, согласно легенде, заслужила возмущенную оценку самого Л.И.Брежнева: “Он хочет меня поссорить с русской интеллигенцией”. Иногда же - и все чаще - такие попытки падали, будто семена, на благодатную почву.

Именно здесь, по разграничительной линии русского вопроса, и прошел в начале 90-х годов откол от верхушки КПСС решающей части партийной массы, породив, в конечном счете, с одной стороны, нынешнюю «партию власти», а с другой — КПРФ.

Русский вопрос оказался одной из главных болевых точек «позднего» советского общества.

Социологические опросы рубежа 80 – 90-х годов, которые проводил Центр исследований политической культуры России, говорили: за то, чтобы русские, и спустя семь десятилетий после Октября, оставались — в духе заветов Бухарина — в «неравноправном положении», высказывался всего один житель РСФСР из девяти. Тогда как свыше половины опрошенных заявляли, что «пора и союзным республикам вернуть России долги». На взгляд многих, РСФСР вообще оказалась «превращена во внутреннюю общесоюзную колонию».

И гибель КПСС, и распад СССР в немалой степени были предопределены именно таким состоянием умов, порожденным народной реакцией на нигилизм в подходе поздней КПСС к русскому вопросу в рамках Союза ССР. Горбачевское ее руководство тяготело к денационализированному социал-демократическому решению общественного кризиса. Но что означала социал-демократизация, курс на которую взяла команда последнего генсека, применительно к КПСС? Прежде всего, своеобразную присягу на верность западным системам ценностей и принципам общественного действия. То есть ценностям, сильно окрашенным, кстати, в инонациональные, особенно американизированные англо-саксонские, тона. Приняв их, Компартия Советского Союза, обобщенно говоря, должна была встать над обществом, оставляя себе (подобно большинству западных социал-демократий) лишь функции посредника между трудом и капиталом и роль гаранта интересов Запада.

Другой путь вел, если угодно, к «россиизации» сконцентрированного в РСФСР ядра КПСС, до той поры безликого и растворенного в общесоюзном организме. И потому ущербного перед лицом других народов Союза, давно заимевших своих политических представителей (в лице

республиканских компартий) в главном центре принятия и реализации государственных решений — КПСС и ее руководящих органах. В обстановке, когда компартии союзных республик приобретали все более этнически очерченные «лица» и вели себя в делах политики наступательно-национально, «полость» российской, русской сердцевины КПСС становилась просто опасной. Ибо нажим на партию от ее национальных «периферий» можно было еще уравновесить и сдержать, оказав разумное и грамотное встречное морально-политическое давление: от русского, российского центра партии и общества - к их «окраинам».

Воплощением этой необходимости стала Компартия РСФСР, появившаяся на свет, по инициативе партийных «низов», вопреки воле горбачевского клана. Но не нашлось силы — в лице лидера и руководящего ядра, чтобы одолеть выпавший ей путь. Сказались, видать, и «природные» для КП РСФСР, рожденной все-таки самой же «перестройкой», изъяны: нерешительность, безынициативность, вялость, тяга к словесным заменителям дела, «стыдливость», когда речь заходила о чем-то русском. Тогдашние попытки Г.А.Зюганова объединить вокруг КП РСФСР национально ориентированные политические силы прервали августовские события. А ведь по всем социологическим замерам 1991 года именно вокруг КП РСФСР могла быть создана та однодоминантная политическая система, что сегодня спешно формируется вокруг «Единой России». Ныне уже забыли, что в 1991 году, по опросам социологов из ельцинского окружения, в случае многопартийных выборов даже в Москве Компартия набирала более 30 процентов голосов (Независимая газета: 1991, 16 февраля)...

В итоге таких разнонаправленных влияний ситуация в КПСС сложилась патовая. Ни социал-демократизация всей партии, ни «россиизация» ее ядра в лице КП РСФСР не состоялись. Тогда-то, очевидно, и было принято решение (кем и где - ответят, наверное, историки отдаленного будущего) о ликвидации КПСС как таковой. Мол, ни нам, ни вам: нет партии — нет и проблем, начнем все с чистого листа.

Кое-кому тогда показалось: коммунизм и русский вопрос в России, столкнувшись, наконец, лоб в лоб, попросту уничтожили друг друга в своеобразной идейно-политической аннигиляции.

Прошло немного времени и выяснилось: заряд объединяющей русскости в российском обществе оказался столь велик, что его с лихвой хватило на своего рода политическое чудо — воскрешение коммунистического движения в его патриотической ипостаси - КПРФ. Причем случилось это в самый что ни на есть зловещий момент истории — в 1993 году. Как это не однажды уже происходило, самые мучительные и

жестокие времена сыграли у нас роль национального катарсиса, очищая и просветляя народную душу. Однако процесс нового слияния коммунистического и русского к исходу XX столетия завис, утратив динамичность, и как бы закуклился в себе, не найдя организации-носителя в партийно-политической системе.

День нынешний и день вчерашний

Между тем объективная обстановка в стране кардинально видоизменилась. Напомним: негативизм большевиков в русском вопросе в начале XX века в основном определяли четыре момента. Во-первых, демографическая структура населения царской России, где доля великороссов во времена Ленина составляла лишь 43 процента, т.е. абсолютное меньшинство. Во-вторых, классовый состав того российского общества, в котором формировалась большевистская идеология, — общества мелкобуржуазно-крестьянского, консервативно национального и потому крайне неподатливого на революционные учения. В-третьих, соотношение сил в сфере власти, где главенствующее место (хотя бы по численности) занимали «русские помещики и капиталисты», бывшие в силу этого главным и бескомпромиссным врагом революционного движения. И, наконец, геополитическое состояние империи, совсем недавно пережившей бурную экспансию.

Обобщенно говоря, именно в области русского концентрировалось в ту пору все, что мешало большевикам вести борьбу за социальное переустройство общества.

А что мы имеем теперь? В нынешней РФ на долю русских приходится четыре пятых жителей — подавляющее большинство. Они не просто народ с мощным рабочим ядром (до разгрома отечественной промышленности, конечно), но еще и своего рода этно-пролетариат, сформировавший в советскую эпоху стержень рабочего класса практически каждой из республик СССР. Сегодня русские перестали быть и «правлящим» классом. После гайдаровско-чубайсовской приватизации их представителей по большей части отстранили от тех рычагов реальной власти, что опираются на финансы и собственность. В результате же ельцинских государственных переворотов и вызванных ими чисток в верхах выходцев из русских оттеснили и от власти, связанной с местом человека в иерархии госуправления. А о новой «четвертой власти» в лице владельцев и распорядителей средств массовой информации и говорить не приходится.

Как видим, вся общественная обстановка, исторически определявшая

отношение коммунистов к русскому вопросу, в корне видоизменилась. И это не может (в нынешних российских условиях) не влиять самым кардинальным образом на совокупность взаимоотношений коммунистического движения с миром русского. Во всяком случае — объективно.

Наследство Бухарина и Троцкого сегодня

Надо быть уж очень лукавым фарисеем, чтобы отрицать очевидное: нынешнее российское коммунистическое движение смогло родиться заново только как национально-патриотическое, в основе своей русское, и потому неотделимо российское, а значит - интернациональное явление.

Причина? Взрыв национальных чувств в стране.

«Расколотый из-за разрушения СССР, подвергаемый унижениям в суверенизированных республиках, стремительно нищающий русский народ поставлен на грань существования; речь идет о его самом настоящем геноциде». Таковы оказались, если обратиться к социологическим опросам, доминантные настроения большинства, трех четвертей, россиян уже к весне 1994 года, спустя год после воссоздания КПРФ.

Исследования ЦИПКР 1996-2005 годов показывали: резко возросла масса людей, которые ни на каких условиях не были согласны на ущемление прав русского народа. Среди них и решающая часть всех славян (66 %), и относительное большинство (44) представителей других народов: татар, чувашей, мордвы, евреев и пр. Хотя неславянская доля респондентов при опросах предпочитала (и предпочитает поныне) все-таки промолчать, обходя данный вопрос стороной.

Как видим, восходящая к Троцкому и Бухарину часть идейного наследия в национальном вопросе: требование поражения русских в общественных правах - осталась и в наши дни вещью предельно непопулярной, маргинальной для массового сознания и поведения русских, российских людей.

Между тем, практически на каждом новом витке общественного конфликта в России она вновь и вновь возводится в том или ином обличье в ранг «голубой мечты» правящего меньшинства и чуть ли не государственной политики. И это — одно из самых уязвимых мест нынешнего режима. Скрывая и защищая которое, власть идет на все, пытается, если и не задушить русское самосознание, то замутить и направить его в тупик. Нынешние игры власти вокруг псевдопатриотической рогозинской «Родины» - наглядный пример.

Чтобы противостоять этой линии, требуется могучее самосознание нации. Но без выражающей его организованной политической силы

национальное это чувство остается «вещью в себе», которую требуется превратить в «вещь для себя».

Имперская доминанта России

В теоретических работах Г.А.Зюганова, в частности - «О русских и России», «Идти вперед», была четко вскрыта суть такой ситуации. А именно: перед Россией встали задачи народно-демократического, освободительного характера, в которых национальное не может не занять одно из главных мест.

Взяв на вооружение национальную идею, предприняв шаги к соединению ее с марксистским учением и видением общественных проблем, с задачами возрождения рабочего движения, Компартия сразу вырвалась бы вперед в политической борьбе. Первые шаги в этом направлении – итоги выборов середины и конца 90-х годов – это подтвердили.

Но... процесс этот, призванный по-своему организовать всю теоретическую и практическую работу в партии, затормозился. Ибо речь пошла уже не о пусть и верных, но теоретических вещах, а о конкретных поступках и действиях. Сам ход общественной борьбы постоянно подталкивает и русских, и коммунистов ко все более серьезным шагам в данном направлении.

Иным, например, становится отношение к имперскому прошлому России, к империи как феномену настоящего и будущего. Империи, естественно, не в обличье универсалистской — сиречь тяготеющей к бесконечному росту — монархии. И не в качестве продукта самореализации «империализма как высшей стадии капитализма». А империи, понимаемой в терминах геополитики.

Да, Россия извечно была именно таким естественно-имперским образованием. И остается им, как свидетельствуют опросы ЦИПКР, в глазах подавляющей массы и нынешних россиян — 67 процентов.

Россия — «пульсирующее» имперское образование: только на протяжении последней тысячи лет она то распрямлялась геополитически, то сжималась до своего исходного русского ядра, превращавшегося под давлением извне в тугую пружину. Она вновь и вновь распрямлялась, заново вырастая до прежних, а то и больших масштабов. Так возникла Киевская Русь после долгой полосы готских, гуннских, аварских, хазарских и прочих нашествий на славянские земли. Так возрождалась Русь Московская после разгрома страны ордами Чингиза и Батыя. Так закладывался фундамент империи Романовых после Великой Смуты. Так возникала Советская империя после общественного взрыва 1917 года.

Ситуации бывали разными. Общим оказывалось одно — восстановление полноценной отечественной державности делалось возможным лишь через объединяющее движение от русского государственного ядра к «перифериям» окружающего пространства. Эта же закономерность начинает проявляться и сегодня. Осознание этого идет и в народе...

Коммунисты и русское самосознание

Ведь русская, так сказать, почва имеет неопределимое значение для всей дальнейшей консолидации тех политических сил страны, которые хоть в какой-то степени исповедуют государственнические ценности. Красноречивы тут материалы опросов, показывающих, как потенциальные избиратели ведущих партий России откликаются на те или иные аспекты русского вопроса.

Что получается? А вот что: как только речь заходит об отношении к русскому народу, многое, что, казалось бы, навеки разделило наших людей — особенно их политические вкусы — исчезает или становится для них третьестепенным. Отрицать факт существования русских как этноса (в стиле иных политиков) либо рассуждать о «государственной незрелости» русских оказываются способны, самое большее, от 5 до 17 процентов избирателей. Коммунисты они или «демократы», голосующие за «Единую Россию», сторонники партий Д.О.Рогозина, В.В.Жириновского, Г.А.Явлинского — все едино.

Тогда как право русских называть себя древним и цивилизованным народом, а свое государство — важнейшим гарантом всемирного покоя и стабильности, наоборот, защищают примерно 20 — 30 процентов последователей как некоммунистических (и даже антикоммунистических) движений, так и большинство — от половины до двух третей россиян, симпатизирующих коммунистам и их союзникам. Примерно двукратный разрыв в этих показателях, принимая во внимание, о чем идет речь, нельзя не признать на удивление скромным.

Вот она — самая перспективная уже не точка, а полоса соприкосновения в настроениях между избирателями КПРФ и «твердыми» симпатизантами оппонировавших ей партий. Здесь база для мировоззренческого и политического сближения коммунистов с весомой долей противостоящего им ныне электората. Добьется такого сближения КПРФ — и массив голосов, так нужный ей для победы на выборах, окажется, наконец, завоеван. Это понимает и противник. А потому, принимая во внимание все более близкую полосу общефедеральных избирательных кампаний, не стоит сомневаться: отсечь от КПРФ русскую составляющую ее идеологии и

политики было и будет одной из главных задач власти. В 2003 году эту задачу решали «Родина» и мифическая партия «Русь». В 2007, наверняка, эта роль достанется трансформированной «Родине» и «фуршетным патриотам», как их метко охарактеризовал лидер КПРФ, Семигина. О «бедных русских» в скандальной форме будет заботиться и ЛДПР, притягивая к себе маргинализованную часть электората. Наверняка что-то придумает и «Единая Россия». Так что КПРФ требуется сделать в ближайшее время все, дабы врасти в эту проблему, сделать ее своей. Создать свою идею для русской нации, свой мобилизационный проект.

Не будем забывать: идеология — то же оружие. И потому, перефразируя знаменитые слова про армию, напомним: «Тот, кто экономит на создании своей национально-государственной идеологии, обречен вскормить и исповедовать чужую». Со всеми вытекающими последствиями...

Впереди битва — за русский плацдарм

Однако все здесь не просто. Задача не только за тем, чтобы поднять на щит интересы русского народа. Проблема и в утрате многими русскими национального самосознания. Они в массе своей остаются глухи к такого рода проблемам, поставленным напрямую. Во всяком случае, тогда, когда вопрос о положении и судьбе русского народа ставится, как говорится, в лоб. Заметим, что ни одна из попыток таким образом политически использовать русскую тему ничего существенного никому не дала.

Например, по данным опроса 2005 года Левада-центра, 46 процентов российских граждан убеждены, что русские в России живут беднее, чем представители других народов. Примерно столько же (45 %) уверены, национальные меньшинства имеют слишком много власти в нашей стране. Но, несмотря на такое ощущение национальной ущемленности, доля сторонников радикальной идеи «Россия - для русских» за последнее десятилетие колеблется на уровне 13-19 процентов. Что, в принципе, и понятно при сегодняшнем состоянии русского народа. «Это состояние крайней истерзанности, измученности... русского народа, - писал в 1918 г. В.И. Ленин, - хочется сравнить с человеком, которого избili до полусмерти, от которого нельзя ждать ни проявления энергии, ни проявления трудоспособности». Его мировосприятие теплится на уровне самовыживания.

Так что ждать, пока самосознание в русской среде возродится естественным, так сказать, путем - снизу, из народных глубин — не приходится. На это потребуется слишком много времени. А у России его нет. И

потому национальное сознание – реальные представления о том, кто мы, откуда, куда идем и чего хотим - в народ должно быть внесено. И внести его некому, кроме Компартии. Объективно это так, субъективно же такую роль КПРФ предстоит еще доказывать народу и доказывать. Причем и словом, и – главное – делом.

Следует констатировать, что шаги, предпринимаемые КПРФ в этом направлении, остаются пока недостаточно эффективными.

Да, уже к началу XXI столетия Компартия в глазах общества смогла зарекомендовать себя главной прорусской политической силой. Если в 1999 году видели ее такой 9 процентов граждан, то к 2003 году - уже 27. Ни «Единая Россия», имеющая 9 процентов аналогичных оценок, ни ЛДПР с 6 процентами, ни другие партии не могли здесь конкурировать с КПРФ.

Однако для решения политических задач, особенно национально-освободительного характера, такой «русский плацдарм» был для КПРФ явно мал. Хотя сделано партией и в партии немало. Исследования настроений партийной и околопартийной масс после VIII съезда (2002 г.) говорили за то, что подавляющее большинство (80 – 90 %) и членов Компартии, и ее активных помощников, избирателей - поддерживали решение, что КПРФ осуждает геноцид против русского и других народов, что она является «партией национальных интересов» и должна считать в себе «лучшее из марксизма с русской идеей».

Однако донести это до народного восприятия КПРФ удалось лишь отчасти. Национальное плохо переходит здесь в политическое. В канун X съезда (2004 г.) всего 25 процентов населения солидаризировались с идеей, что Компартия призвана соединить марксизм с русской идеей. Лишь 23 процента видели в ней «главную силу русского возрождения», способную возглавить «национально-освободительную борьбу». Немногие, только 7 – 8 процентов, верили, будто в ходе выборных кампаний коммунисты захотят и смогут опереться на поддержку русского народа.

* * *

Русская составляющая вообще оказалась «ничьей территорией» в политике в канун выборов 2003 года: ее не признавали ни за КПРФ, ни за «Единой Россией» (4 – 6 % мнений), ни за ЛДПР (5 % ожиданий), ни за кем другим.

Попытки некоторых, наскоро слепленных властью, структур налегом электорально захватить это пространство в ходе выборов 2003 – 2004 годов успеха также не имели. Сорвалась и операция по возведению в ранг «русских националистов» лидеров «Родины», кото-

рым лицемерие в этой области стоило политической карьеры.

Русский плацдарм сегодня политически не занят. И никто пока не нашел путей к тому, чтобы на нем прочно укрепиться.

Он – цель будущих политических операций и залог решающих побед.

Тот, кто сможет им овладеть, будет определять пути развития России не в ближайшие 20 – 30 лет (как мечтают в Кремле), а на века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русский вопрос в России появился не сегодня и не вчера. В том или ином историческом обличье, он в более или менее политизированном виде возникал, по меньшей мере, на протяжении тысячелетия.

Его знала Русь еще XII – XIII веков, когда начала подниматься волна протеста против такого «побочного» явления христианизации, как греко-византийское засилье. Как реакция на это иностранное влияние, тогда, под сенью великокняжеских теремов, под эгидой великих князей, шло частичное возрождение языческих обрядов, символов, художественных образов, которое было прервано монголо-татарским нашествием, что воспринималось, как писали летописи, наказанием «за грехи наша».

Его узнала послепетровская Россия, истерзанная бироновщиной, ответом на которую на интеллектуальном уровне стала разработка русской национальной идеологии Ломоносовым, а на высшем государственном – кадровая, так сказать, политика Елизаветы Петровны, выметавшей иноплеменных захребетников из всех щелей госаппарата того времени.

А затем – еще более последовательная и жестко идеологизированная линия Екатерины Великой, вводившей при дворе русский народный наряд, окружавшей себя русскими государственными мужами и бескомпромиссно проводившей в жизнь курс на восстановление геополитической целостности России, утраченной со времен золотоордынского ига: были возвращены Крым, Белоруссия, украинские земли.

Следующий шаг был совершен в духовной, культурной сфере Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым, создавшими и тот русский язык, что жив до сих пор, и национальную литературную и поэтическую традицию. Одни пушкинские сказки, запечатлевшие следы индоевропейского эпоса, дорогого здесь стоят. Как и концепция исторического предназначения России, над которой столько работал Тютчев.

Затем пришли славянофилы, подведшие научную базу под многие из наработок прошлого и сумевшие поставить на современную им ин-

теллектуальную почву сам русский вопрос, выделив его из массива общественных российских проблем.

Однако вопрос этот так и не был решен. И полоса глобальных революционных потрясений настолько разъединила русский народ и власть, что грянул Октябрь 1917 года.

Наконец, русский вопрос был поднят в послевоенные годы и оказался почти утвержден И.В.Сталиным в качестве символа эпохи: восстанавливалась государственная символика, из забвенья поднимались ключевые исторические фигуры, на социалистический лад воссоздавались общинные начала в колхозном уже селе, из опалы возвращалось православие...

Вот та великая историческая традиция, в которую сегодня обязана вписаться политическая партия, выдвигающая в качестве непосредственной своей задачи подъем национально-освободительного движения в нынешней России.